

Ф. И. ФЕДОРЕНКО

Секты, их вера и дела

<Фрагменты>

Спутники капитала

<...>

Условия, созданные в России развитием капитализма к середине XIX в., не только преобразовали все старые секты, но подготовили почву для распространения буржуазных сект европейского и американского происхождения: баптизма, евангелизма, адвентизма. Усиленное проникновение иностранного капитала, посещение и переселение в Россию множества иностранцев, усиление миссионерской активности и деятельности международных евангелических, адвентистских, баптистских и других союзов, наконец, бурное развитие самой России по буржуазному пути — все это условия, обеспечившие небывало быстрое распространение в 70–80-х гг. XIX в. сект западного происхождения, которые росли на развалинах молоканства, хлыстовства и других старых русских сект.

Баптизм в России возник не просто в результате появления зарубежных миссионеров, последователей секты, которые затем передавали свою веру последующим поколениям, как это было с меннонитами и методистами¹, не нашедшими путей к душам русских людей. Баптистские проповедники сумели организовать нечто вроде буферных сект, использовавших идеологию, культ, вероучение и обрядность старого русского сектантства. Первые баптистские общины в России появились как некий симбиоз протестантских сект и духовных христиан. В этом, по-видимому, и за-

ключается главная причина того, что секта со временем, в отличие от методизма, меннонитов, реформатства и других аналогичных сект, приобрела последователей в среде русского крестьянства, рабочих, аристократии, воспринимавших баптизм не как «немецкую» веру, а как веру, созданную ими самими в борьбе против православного гнета. Такими переходными, буферными сектами, проложившими в Россию путь баптизму, были штундобаптисты, штундисты, пашковцы, рэдстокисты.

Протестантские секты появились в России давно, однако ни их вероучение, ни культ не привлекали ни в какой степени русское население. В глазах крестьянства они выглядели как непонятная — «немецкая» — вера. На самом деле причина этого непонимания протестантской веры лежала в том, что ко времени возникновения этих сект в России из их вероучений полностью выветрился какой бы то ни было радикализм, а их буржуазное миропонимание еще долгое время было совершенно недоступно русскому крестьянину.

Наряду с бюргерским протестантизмом в период ранних буржуазных революций существовал и крестьянско-плебейский протестантизм. Народные массы увидели в некоторых евангельских положениях оправдание своим устремлениям не только к политическому, но и к социальному равенству, к справедливому общественному устройству, где бы не было богатых и бедных, была бы уничтожена эксплуатация человека человеком и которое ассоциировалось в их сознании с туманным евангельским царством Божьим на земле.

<...> Народная реформация, которая в лице своих наиболее передовых идеологов видела главную цель в построении справедливого общества, была обречена на вырождение, ибо религиозные шоры препятствовали активной борьбе народных масс за свои социальные и политические идеалы. При первом же поражении народные секты утратили свой революционный дух и склонились к пассивному ожиданию сверхъестественного спасителя. Таким образом, радикальность протестантских сект с самого начала была весьма относительной. В вероучениях этих сект не было и намек на осуждение современного им государства и общества. Частная собственность в глазах их приверженцев была священна, наемный труд богоугоден, существование различных сословий вполне естественно. Все это, по их верованиям, предопределено Богом.

Первыми реакционными продуктами протестантского сектантства явились меннониты и баптисты, распространившиеся затем по всему миру. <...>

Октябрь и сектантство

Октябрь 1917 г. произвел огромный сдвиг в сознании миллионов. Особенно разрушительным его влияние было в религиозном сознании. Однако, когда революция совершилась, сектантская деятельность возобновилась с новой, небывалой до этого энергией и размахом. Причины этому были прежде всего социально-политические. Все отношения, особенно в деревне, перепутались и усложнились, трудно было разобраться в них опутанному религиозными предрассудками уму крестьянина. И этим не замедлили воспользоваться сектанты. Они решили, что настал удобнейший момент для пополнения сект. Чего проще, преследований за веру нет, приходи и говори: нет Бога лучше, нет религии истиннее, чем у нас.

Секты действительно не проиграли, а значительно выиграли от победы Октябрьской революции. Они получили равные права со всеми другими религиозными организациями. <...> Революция до конца разоблачила реакционную, антинародную роль Православной церкви, как прислужницы царизма, и сектанты использовали это в своих интересах. Большинство верующих, перешедших в это время в секты, объясняют свой переход именно недовольством Православной церковью. <...>

После победы Советской власти секты пополнились новым по социальному составу контингентом верующих — разного рода «бывшими» людьми: кулаками, помещиками, царскими офицерами, купцами, бывшими владельцами заводов, фабрик, железных дорог. Для многих из них секты стали формой социального протеста против новой власти, не приемлемой ими и объявленной сатанинской. <...>

Политика партии в первый период военного коммунизма, направленная к нейтрализации середняка, льготы для сектантов в отношении воинской повинности, в заселении бывших помещичьих имений, уничтожение церковно-крепостнических рогаток для вступления в секты, свобода совести — все это укрепляло позиции сект по сравнению с дореволюционной эпохой.

Однако, несмотря на некоторый рост сект, очень скоро появились признаки их близкого разложения. Это начали видеть сами руководители сект.

Круг людей, в котором проповедники сект могли найти хотя бы некоторое понимание после революции, постепенно сузился и в дальнейшем продолжал сужаться еще быстрее. Это привело к распрям между сектами. Чтобы обеспечить себе дальнейшее существование, те из них, которые лучше приспособились к окружающим условиям, должны были пожирать более мелкие течения, не сумевшие приспособиться к жизни. Общины евангельских христиан, баптистов, адвентистов, пятидесятников² росли на развалинах молоканских, духоборческих, хлыстовских общин.

<...> Баптисты, евангельские христиане, адвентисты, пятидесятники лучше других отвечали духовным запросам кулаков, нэпманов, «бывших» людей, остатков разгромленных эксплуататорских классов. Они имели международные объединения, оказывавшие этим сектам большую материальную поддержку, готовили кадры миссионеров и т. п.

<...> Рост грамотности, культуры, благосостояния трудящихся масс, ликвидация безработицы, укрепление социалистического сектора экономики — все это способствовало созданию мощной стены, о которую разбились волны сектантской активности первых послереволюционных лет.

Большинство сектантов пришло к печальному, но единственному правильному выводу: расчеты на расцвет христианских сект в условиях социализма тщетны.

<...> Однако отход верующих от сектантских общин не был прямолинейным процессом. Общая тенденция — уменьшение численности сектантских общин — пробивала себе дорогу через целый ряд временных колебаний, приливов и отливов. Начиная с 1930–1932 гг., когда была успешно завершена первая пятилетка, а сельское хозяйство перестроено на социалистических началах, намечается быстрое сокращение численности сектантских общин.

Каждая из сложившихся до революции групп сектантства, каждая из сект пыталась найти себе место в новых условиях. Но жизнеспособность различных сект была различной. Она прямо зависела от того старого социального заряда, который каждая секта несла с собой со времени возникновения и какой она сумела донести до социалистической революции.

<...> Состав современных сект, сложившийся в условиях социализма, предопределяет весьма безотрадную картину и перспективы для христианских сект в нашей стране.

<...> Характер современного сектантства в нашей стране во многом определяется этим составом, сложившимся в условиях социалистического государства, свободного от классового, экономического и духовного гнета, полной свободы совести, отмирания религии и массового распространения атеизма. Для современных верующих — членов сект характерны:

во-первых, высокий возрастной состав. Более 60% верующих — это люди старше 50 лет. Молодежи в общинах очень мало, и это, естественно, само по себе лишает секты перспектив дальнейшего развития;

во-вторых, низкий общеобразовательный уровень верующих. Более 80% членов общин малограмотны и неграмотны. Если в прошлом, и даже в 20-е годы, в сектах в городских общинах представители буржуазной интеллигенции составляли до 20%, то в наше время лица с высшим образованием не превышают 1–2%, несмотря на неизмеримо более широкое распространение высшего образования в стране. Даже число верующих, имеющих среднее образование, в городских общинах не более 6%, а в сельских — 1–2%;

в-третьих, высокий возрастной состав сект предопределяет не только их духовную слабость в связи с низким общим уровнем грамотности, но, что еще более важно, резкое сокращение работающих членов общин. Если в прошлом основную массу верующих составляли трудящиеся или те, кто мог оказывать серьезную материальную поддержку сектам, то теперь число тех, кто занят общественно полезным трудом, резко сократилось;

в-четвертых, подавляющее большинство членов общин во всех сектах составляют женщины (до 80% и более), к тому же пожилые. Это накладывает своеобразный отпечаток на современное сектантство, на его внутреннюю жизнь, содержание проповедей.

Центральной фигурой сектантской общины, таким образом, выступает неграмотная и малограмотная, неспособная к тому же оказывать серьезную материальную поддержку секте пожилая женщина.

Все это и определяет полную бесперспективность сектантства в нашей стране...

